

М. ПРИШВИН

Большевик из «Балаганчика»

(Ответ Александру Блоку)

Теперь стало ясно, что выходить с теплой душой во имя человеческой личности против засильников невозможно: чан кипит и будет кипеть до конца¹.

Идите же, кто близок этой стихии, танцевать на ее бал-маскарад, а кому это противно, сидите в тюрьме: бал и тюрьма — это подлинность. Только не подходите к чану кипящему с барским чувством: подумать и, если что... броситься в чан.

С чувством кающегося барина подходит на самый край этого чана Александр Блок и приглашает нас, интеллигентов, слушать музыку революции, потому что нам терять нечего; мы самые настоящие пролетарии.

Как можно сказать так легкомысленно, разве не видит Блок, что для слияния с тем, что он называет «пролетарием», нужно последнее отдать, наше Слово, чего мы не можем отдать, и не в нашей это власти.

Свой зов поэт печатает в газете, которая силой нынешнего правительства уничтожила другую газету, воспользовавшись ее средствами, и пустила по миру работников пера, и приставила к себе караул из красногвардейцев².

Хорошо слушать музыку революции в этой редакции, но если бы Александр Блок 2-го января, например, принес свою статью не в «Знамя труда», а в «Волю народа» — ему бы пришлось эту музыку слушать в тюрьме³. Вот если бы он из тюрьмы приглашал — это было бы совершенно другое, и сила у него была бы не та.

Когда зарезали Шингарева и Кокошкина⁴ и весть об этом заползла в нашу камеру, ко мне подошел один заключенный и тихо сказал:

— Я пятнадцать лет писал книгу и бросил работу, забыл ее, потому что нельзя было так оставить людей. Бросить книгу было мне как смерть, а теперь я ко второму готовлюсь, к последнему, и нужно всем к этому приготовиться, чтобы предстать с достойным ответом.

На одно мгновение тогда мне почудилась лестница жертв, и с какой-то ступеньки ее музыкально доходил смысл революции — только не буду говорить больше, потому что боюсь сказать не от сердца и засмыслиться.

О деревенских вековухах так говорят: не выходит замуж, потому что засмыслилась и все не может ни на ком остановиться.

Это грубо, но нужно сказать: наш любимый поэт Александр Блок, как вековуха, засмыслился. Ну разве можно так легко теперь говорить о войне, о родине, как будто вся наша русская жизнь от колыбели и до революции была одной скукой.

И кто говорит? О войне — земгусар⁵, о революции — большевик из «Балаганчика».

Так может говорить дурной иностранец, но не русский и не тот Светлый иностранец, который, верно, скоро придет.

Мы в одно время с Блоком когда-то подходили к хлыстам, я — как любопытный, он — как скупающий.

Хлысты говорили:

— Наш чан кипит, бросьтесь в наш чан, умрите и воскреснете вождем. Блок спрашивал:

— А моя личность?

Ответа не было из чана. И так же не будет ему ответа из нынешнего революционного чана, потому что там варится Бессловесное.

Эта видимость Бессловесного теперь танцует, а под этим вся беда наша русская, какой Блок не знает, не испытал. В конце концов, на большом Суде простится Бессловесному, оно очистится и предстанет в чистых ризах своей родины, но у тех, кто владеет словом, — спросят ответ огненный, и слово скупающего барина там не примется.

